

— Что это ты... ешь?

Ао Цан слизнул кровь с уголка губ и вскинул на меня колючий взгляд:

— Тебе-то какое дело?

— Нет-нет, никакого... — пробормотал я.

— Хм!

Есть-то, может, и нечего, да только если я не ошибся, он сейчас дожевывал нечто пугающе похожее на человеческую фигурку. Причем жевал с явным аппетитом.

Меня пробрала дрожь. Несмотря на яркое солнце, в душе воцарился лютый холод. Я принялся осторожно пятиться, стараясь не издавать ни звука, но этот несносный дракоша все равно меня заметил. Топнув ногой, он с размаху ударил меня кулаком прямо в правый глаз.

— Опять намылился куда-то втихую?! — яростно выкрикнул он.

— Да нет же... — я зажал ушибленный глаз ладонью, косясь на его наливающиеся багрянцем зрачки. — Просто решил, что пора возвращаться.

— Знать бы раньше, что лучше держаться от тебя подальше... — тихо проворчал я себе под нос.
— Если бы я отошел подальше, ты бы меня и не увидел...

— Ты у меня посмей только! — Ао Цан, видимо, обладал слишком тонким слухом. — Даже если я совсем ослепну, я все равно буду знать, где находится этот тупица!

Он вцепился мне в руку и, прежде чем я успел охнуть, укусил за предплечье, оставив аккуратный ряд отметин. После чего сжал мое запястье мертвой хваткой — словно боялся, что я испарюсь, — и потащил за собой в Бездну.

Странный дракон. Чего он так занервничал?

Пока мы погружались, я заметил неладное: серебристая чешуя на его теле начала вставать дыбом, а сияние то гасло, то вспыхивало с новой силой. Ао Цан зажмурился, лицо его исказилось — он явно страдал от невыносимой боли.

Едва достигнув Бездны, он отшвырнул меня в сторону, а сам мешком рухнул на дно.

Его тело несколько раз свело судорогой. После этого он замер, точь-в-точь как выброшенная на

берег рыба: завалился на спину, бессильно раскинув лапы в воде. Белесое брюхо мерно вздымалось, а веки почти сомкнулись. Красные глаза, похожие на тонущие в пучине драгоценные камни, тускло мерцали.

— Эй, ты... жив еще? — набравшись смелости, я подошел и ткнул пальцем в чешуйчатое пузо.

Никакой реакции.

Я не на шутку перепугался и склонился над ним. Под мерцающей белизной кожи проступили странные багровые росчерки, похожие на трещины — они тянулись от самой груди к межбровью. Стоило мне коснуться этого странного знака на его лбу, как дракон, только что казавшийся трупом, внезапно вскочил.

Его когти вонзились в мою одежду. Оскалив пасть, он бросился на меня.

Взгляд его был пустым — Ао Цан явно лишился рассудка. И ладно бы просто безумие, но его зубы... Острые белые клыки вблизи выглядели куда страшнее, чем с расстояния. Огромная окровавленная пасть обещала мне быструю, но крайне неприятную кончину.

— Спасите!

Неужели это и есть мой конец? Мое испытание?

Я отчаянно забился и со всей силы лягнул его. К моему удивлению, этот обычно невероятно сильный малец легко отлетел в сторону и снова забился в конвульсиях, катаясь по песку.

Спустя вечность он затих. Снова замер на спине, уставившись незрячим взором в толщу воды.

Больше я испытывать судьбу не стал. Остановился поодаль, решив подождать, пока ситуация прояснится. Ждал-ждал, пока глаза сами не стали слипаться — так и уснул.

Проснулся от холода, но Ао Цан не шелохнулся.

Любопытство взяло верх. Я подкрался поближе, но, помня о недавнем нападении, остановился в паре шагов. Хотелось его как-то расшевелить, какой-нибудь палкой... но где в морской Бездне найдешь палку? А если и найдешь, то в этой темени я ее все равно не увижу.

Я почесал затылок и вдруг вспомнил об одном своем давнем знакомом.

В соседней расщелине жил огромный, на редкость вредный краб. Я выковырял его из песка, не обращая внимания на возмущенное щелканье клешней. Краб брыкался всеми восемью ногами,

пытаясь достать меня за пальцы, но из-за коротких суставов был совершенно беспомощен.

— А-ха-ха-ха! — наконец-то и на моей улице праздник! Столько времени под пятой у дракона, пора и мне власть употребить.

Краб забавно дрыгал конечностями.

— Ну что, милоч, попался? — я присел рядом с «отдыхающим» драконом и серьезно обратился к пленнику: — Давай так: ты сейчас разок хорошенько тяпнешь эту ящерицу за пузо, а я тебя отпущу.

Краб поджал клешни и подозрительно замер.

— Да кусай же! Что, только меня щипать мастер? Не укусишь — живьем сварю!

Я поднес краба к незащитному брюху Ао Цана. Но этот коварный членистоногий улучил момент и со всей дури укусил меня самого за тыльную сторону ладони, после чего шустро боком припустил в темноту.

— Ай! Ах ты ж гад ползучий! — выругался я, зализывая рану.

— Гад?

Мягкий голос раздался прямо за спиной. Прежде чем я успел вскочить, две ледяные ладошки обвили мою шею. Я замер, боясь пошевелиться. Маленькое лицо прижалось к моему плечу, а голос, нежный, как весенний ветерок, прошептал:

— И какой же гад тебя обидел?

Сердце ушло в пятки.

— Что же ты молчишь? — он чуть сильнее сжал руки. — Неужели... это ты про меня?

Я поспешно натянул на лицо самую искреннюю улыбку, на которую был способен:

— Конечно нет, Ао Цан, не выдумывай! Я на краба ругался, на того, что сзади был.

—... Правда?

— Ну разумеется! Смотри, он мне всю руку до крови разнес.

— И правда, — он заглянул мне через плечо и улыбнулся.

Улыбка длилась всего мгновение. В следующую секунду его лицо потемнело, и я получил увесистую затрещину.

— Гадкий, злопамятный уродец! Так тебе и надо, пусть бы он тебя совсем загрыз!

Я только рот раскрыл от такой наглости:

— Ты...

— Что «ты»?! Получай! — он дважды ткнул меня кулаками в грудь. Удары были такими точными, что дух перехватило.

Впрочем, убивать он меня не собирался. Видя, что он снова полон сил и яда, я не удержался от вопроса:

— Слушай, а что это с тобой было? Ты лежал пузом кверху, я уж грешным делом подумал, что ты концы отдал.

Ао Цан нахмурился, в его глазах вспыхнуло недовольство:

— Так ты хотел, чтобы я сдох?

— Нет-нет! — я замахал руками. — Как можно, я бы не посмел...

Он долго сверлил меня своим багровым взглядом, а потом вдруг вцепился мне в ухо и злорадно процедил:

— И правильно! Запомни хорошенько: если я умру, ты отправишься следом!

Опять эти угрозы про совместное погребение. Слышал уже раз пятьсот.

— Да-да, конечно. Живите вечно, господин великий демон, а я уж как-нибудь вперед прораскочу. Глядишь, через пару миллионов лет вы еще коптить небо будете, а от меня и праха не останется...

— Не выйдет, — отрезал он.

— А?

Он капризно выпятил губу:

— Ты — мои глаза. А значит, и жить, и умирать нам суждено вместе.

Он еще сильнее крутанул мое несчастное ухо.

— Ты ведь не Шуйхуа. И лицом не вышел, уродец. Если бы я мог сейчас вернуть свои глаза, думаешь, я бы оставил тебя при себе?

Я промолчал. Будто я сам не знал, что его доброта — вещь сугубо функциональная.

Видя мою тишину, он вдруг занервничал и закричал:

— Поэтому ты должен быть ко мне добр! Слышишь?!

Я только кивнул, ошарашенный этим требованием. Но Ао Цан уже не на шутку разошелся. Он вцепился мне в воротник и принялся трясти так, что зубы застучали. Бледное лицо его внезапно залилось краской.

— Ну! Согласен ты или нет?! Отвечай!

Согласен ли я? Да ты меня как будто в наложницы вербуешь, честное слово.

Мне очень хотелось встать, расправить плечи и гордо заявить что-нибудь величественное... Но, оглядевшись по сторонам — холодная Бездна, темнота и безумный дракон, в чьем доме я нахожусь... Эх, ладно.

Я поднял руки в знак капитуляции:

— Да согласен я, согласен! Только не тряси так, всю одежду изорвешь.

Он брезгливо отпихнул меня:

— Тьфу! Да разве это одежда? Тряпье одно!

Сказал-то он это резко, но я видел, как он смущен. Смесь гнева и облегчения.

— Ао Цан, — осторожно начал я, когда он немного остыл. — Я серьезно. Что это было? Я правда испугался.

Он отвел взгляд, и я решил, что ответа не дождусь. Начал было подниматься, чтобы уйти, но он тут же навалился на меня всем телом:

— Уродец Лянь, не смей уходить!

«Уродец Лянь»?!

Ладно, «уродец» — я привык, но зачем имя-то приплетать!

Внутри все вскипело. Я сжал кулаки и с силой оттолкнул этого несносного мальчишку.

— Если я тебе так противен — не смей ко мне прикасаться! Ты же говорил, что не видишь меня, когда я далеко? Ну и отлично! Считаю, что я ушел, чтобы не мозолить тебе глаза своей уродливой рожей!

Я гордо выпрямился, собираясь уйти в темноту, но Ао Цан в мгновение ока оказался рядом. Он обхватил меня за пояс и, почти всхлипывая, прошептал:

— Лянь-лянь, ты что, обиделся?

Понял наконец. Я скрестил руки на груди и промолчал.

— Ну поговори со мной, пожалуйста... Я был неправ, прости, прости, прости! Только не уходи. Не оставляй меня одного... Я не хочу быть один, когда меня никто не слышит.

Он поднял на меня свои огромные жалобные глаза, весь сжавшись в комочек.

Тонкие запястья, затравленный взгляд, ледяная кожа.

Я знал его уже не первый день. Ао Цан был существом крайностей: то нежный и льнувший к плечу, то взрывной и жестокий. Когда он был в духе — не отлипал от меня ни на шаг, когда нет — превращал мою жизнь в ад. Но злиться на него по-настоящему было трудно. Гнев на этого «маленького тирана» мгновенно испарялся, стоило мне увидеть в нем одинокое, испуганное существо.

Мы долго стояли в тишине. Он продолжал крепко держать меня, боясь отпустить.

— Я убил их всех, — его голос дрожал, и я чувствовал, как его бьет крупная дрожь. — В тот год я перебил всех своих сородичей. И... своего отца тоже.

— Старейшины драконов и бессмертные Небесного царства объединились, чтобы заточить

меня здесь, в Бездне Восточного моря. Они сковали меня арканом Пяти стихий «Фениксовый клюв». Стоит мне пошевелиться — и я чувствую, будто в меня бьют тысячи молний, будто я замерзаю заживо и одновременно горю в адском пламени. Но и этого им было мало. Они наложили на меня Кровавое проклятие расы драконов... Теперь каждый год в этот самый день я переживаю муку — кровь течет вспять, а сердце словно пожирают сотни насекомых. И так будет вечно. У меня нет надежды на спасение.

Он говорил скупой, короткими фразами, но за каждым словом стояла такая бездна боли, что у меня защемило в груди.

— Время шло. Люди забыли, что в Бездне вообще кто-то есть. Я и сам начал забывать, кто я такой... — он еще сильнее сжал руки на моей талии. — Но однажды пришел человек. Ему нужна была чешуйка серебряного дракона, чтобы выслужиться перед Цин-ди. Так он нашел меня.

— Кто бы мог подумать, что о ком-то, похороненном заживо, еще помнят? Я был так счастлив... Глупец, я радовался, что меня не забыли.

Вода вокруг казалась горькой на вкус — странно, раньше я этого не замечал.

— В обмен на чешую он освободил меня от оков, но не смог снять Кровавое проклятие расы драконов, ввевшееся в самую мою суть. Уходя, он пообещал, что здесь слишком холодно и темно, и он никогда не оставит меня одного. Поклялся, что найдет способ забрать меня отсюда. Сказал ждать.

Он уткнулся лбом мне в плечо и совсем тихо добавил:

— Его звали...

— Шуйхуа, — закончил я за него, погладив мальчишку по голове. — Его звали Шуйхуа, верно?

Он медленно поднял голову и кивнул.

Ледяная вода обжигала кожу. Вокруг была лишь непроглядная тьма, словно сам мир устал от людей и решил их спрятать. Красные глаза дракона смотрели на меня — прекрасные, глубокие, видевшие столько горя... Но кто бы мог подумать, что они совершенно слепы?

Да, он был слеп. Настолько, что даже людей путал.

Теперь понятно, почему он сначала так за меня цеплялся.

Впрочем, мои глаза были не лучше. Я тоже ничего не замечал. Если бы я только раньше

понял... Возможно, то, что принадлежало мне, осталось бы при мне. По крайней мере, я бы знал правду, а не жил в иллюзиях.

Жизнь состоит из таких «если бы». Но прошлое не вернуть, а финал уже написан.

— Ао Цан... — я улыбнулся и заглянул ему в лицо. — Ты говоришь, Шуйхуа дал тебе обещание?

— Да, — он не сводил с меня глаз. — О чем ты думаешь?

Я поджал губы:

— Честно говоря... я хочу найти его.

Ао Цан тут же отпрянул, его лицо мгновенно стало холодным и чужим:

— Я не пойду.

Я коснулся его макушки, глядя на шрам от укуса на своей руке.

— Не хочешь — не надо, это твое право. Но мне нужно идти.

— Куда ты собрался?! — он вцепился в мое предплечье с обычной своей силой. — Я же видел, что произошло в тот день! Ну найдешь ты его, и что? Он вернул себе истинный облик и в упор тебя не помнит! Посмотри на себя — ты же теперь урод, и голос у тебя другой. Даже если в его памяти и осталось что-то от тебя, думаешь, он узнает тебя в таком виде?!

Я промолчал. Если упрямство — это дар свыше, то небеса наградили меня им сполна.

— И все же, я должен его найти, — тихо, но твердо произнес я.

Мне нужны были объяснения. Хоть какой-то ответ, который помог бы мне понять, почему счастье решило уйти так далеко.

Плечи Ао Цана задрожали. Он стоял ко мне спиной, сжимая кулаки.

— Значит, ты уходишь?

Я подошел и взял его за руку:

— Я не хочу оставлять тебя. Пойдем со мной.

Он резко вырвал руку и обернулся, выплескивая весь свой гнев:

— С какой стати я должен за тобой тащиться?! Кто ты такой вообще?! Я тебя ненавижу! Слышишь?! Ненавижу, уродец!

С этими словами он обернулся драконом и стрелой умчался прочь, исчезая в глубине.

Без него тьма стала абсолютной. Я закрыл глаза, слушая лишь свое дыхание и стук сердца. Пустота и тишина.

Ночь была бесконечно холодной.

Морские волны мерно рокотали, отражая холодный блеск луны. Я снова отправился в путь, у которого не было указателей. Я знал, куда мне нужно, но не знал дороги.

Сделав несколько шагов по берегу, я услышал позади тихий шорох шагов. Обернулся — никого. Я не стал допытываться, а просто затаился в тени прибрежных скал.

Ну конечно. За мной следили.

В лунном свете показалась маленькая черная фигурка. Не обнаружив меня там, где я был мгновение назад, малец сердито топнул ногой.

Он пытался спрятать волосы под плащом, но красные глаза скрыть было невозможно. В ночи они сияли, как две кровавые луны, — ярко и тревожно.

Видя, как он злится, я бесшумно вышел из тени. Он тут же меня заметил и дернулся, намереваясь сбежать.

— Ао Цан, — окликнул я его.

Он замер, недовольно обернулся и буркнул:

— Чего тебе?

— Раз уж ты все равно вышел, пошли со мной, — я улыбнулся и протянул ему руку.

Он поджал губы, смерил мою ладонь презрительным взглядом и гордо отвернулся, издав

какой-то неопределенный звук.

— Эх, горе ты мое луковое... — со вздохом я убрал руку, но вместо этого просто подхватил это маленькое чудо на руки.

Он принялся отчаянно брыкаться и колотить меня кулачками:

— Пусти! А ну пусти меня! Кто... кто сказал, что я с тобой пойду?!

— Считай, что я похитил тебя в порыве чувств. Ну правда, Ао Цан, неужели тебе не надоело киснуть в своей Бездне?

Он еще немного поборолся для вида, но вскоре силы оставили его. Он перестал сопротивляться, прижался ко мне и затих. Прошло совсем немного времени, и он мирно засопел.

Ветер шумел в кронах прибрежных деревьев, лунный свет заливал дорогу. Я не чувствовал ни тревоги, ни грусти. Одиночество, что так давило на меня раньше, вдруг отступило.

Я не был святым отшельником и, признаться честно, до смерти боялся идти один.

Когда я уговаривал его пойти со мной, я не только хотел, чтобы он помог мне найти Шуйхуа. Наверное, больше всего на свете я просто устал быть один.

Думаю, он тоже.

<http://bllate.org/book/17534/1707314>